

Суэта вокруг мониторинга

*Борис Цилевич, Член ПАСЕ, депутат 8
Сейма, «Центр согласия»
20 декабря 2005 11:29*

В последние недели только ленивый не высказывался на тему закрытия пост-мониторингового диалога между Парламентской Ассамблеей Совета Европы (ПАСЕ) и Латвией. Вот уже семь лет я остаюсь единственным представителем "русскоязычной оппозиции" в ПАСЕ. Как свидетелю и участнику процесса, мне и смешно, и грустно читать рассуждения комментаторов, имеющих весьма приблизительное представление и о процедуре мониторинга, и о работе Совета Европы вообще.

Мониторинг не был панацеей

Для начала внесем ясность — что же такое на самом деле мониторинг ПАСЕ. Сам по себе этот мониторинг — процедура политическая, а потому не самая эффективная. Члены комитета по мониторингу — депутаты национальных парламентов стран-членов Совета Европы. Есть среди них и настоящие эксперты, но большинство, со свойственным всем политикам апломбом, действует по принципу "я хорошо знаю Латвию, потому что два года назад я провел уикэнд в Риге". Чудес не бывает, и мониторинг ПАСЕ не мог немедленно превратить Латвию из замарашки в принцессу. Но все же стоило постараться, чтобы получить максимум пользы от этой процедуры.

Латвийское правительство и коллеги по делегации в ПАСЕ активно работали в режиме отдела продаж: неважно, хорош товар или плох, задача продавца — "вдуть" его покупателю. Неважно, какова ситуация на самом деле, главное — доказать, что все в порядке. Основной тактический прием: мол, критика Латвии — это российские инсинуации, и все, кто ее поддерживает — "прислужники Москвы". Мне постоянно приходилось напоминать, что обсуждаемый вопрос — это вовсе не вопрос отношений между Россией и Латвией. Информацию, оспаривающую победные реляции, подготовленные государственной пропагандистской машиной, надо было подавать точно и вовремя, стараясь удержать фокус дискуссии на конкретных вопросах.

В январе 2001 года процедура мониторинга была закрыта. В какой-то степени это был результат политического торга. Подошла очередь Латвии председательствовать в Совете Европы, и произошел своего рода размен: Россия не очень активно возражала против закрытия мониторинга, а тогдашний министр иностранных дел Латвии Индулис Берзиньш, исполнявший обязанности председателя Комитета министров Совета Европы, "сдержанно" отнесся к ситуации в Чечне.

Пост-мониторинг: главное дело сделано

Началась более "слабая" процедура пост-мониторинга. Свою основную задачу я

определил так: не допустить закрытия пост-мониторинга до тех пор, пока не будет ратифицирована Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств. Почему? Потому что после ратификации конвенции начинается другой, юридический мониторинг: через год Латвия обязана представить доклад об исполнении конвенции, и ситуацию будут оценивать уже не политики, а эксперты-юристы, на которых привычными нашим властям пропагандистскими методами не воздействуешь. Латвийским властям, в частности, придется объяснять, почему лица, принадлежащие к меньшинствам, лишены права на оригинальное написание имен и фамилий, почему они не могут использовать родной язык в общении с самоуправлениями в тех регионах, где они живут веками, и насколько эффективно их участие в ведении государственных дел.

Пропаганда тут уже не пройдет. Эксперты все проблемы формулируют хоть и дипломатично, но точно и жестко, тут уж шила в мешке не утаишь. Именно поэтому правительство Латвии более 10 лет упиралось, не хотело ратифицировать конвенцию. Латвийские власти просто боялись дать нам в руки довольно эффективный инструмент для отстаивания своих прав.

И все же Сейм Латвии был вынужден ратифицировать Рамочную конвенцию в мае этого года. Ранее и ОБСЕ, и Евросоюз настойчиво рекомендовали ратификацию, но им этого добиться не удалось. Миссия ОБСЕ была закрыта, в ЕС Латвию приняли и так. А вот Совету Европы это в конце концов удалось. Так что политический пост-мониторинг ПАСЕ выполнил свою задачу, и после этого его, в принципе, можно было закрывать.

МИД Латвии как министерство пропаганды

Конечно, я выступал за то, чтобы продолжить пост-мониторинг. Практика показала, что пока есть внешнее давление — есть какой-то прогресс, нет — процесс останавливается или даже идет в обратном направлении. И докладчик Георгий Фрунда, во время визита в Ригу жестко рекомендовавший латвийским властям ускорить натурализацию и дать негражданам право голоса на муниципальных выборах, разделял мою позицию и предлагал продолжить пост-мониторинговый диалог.

МИД Латвии тщательно готовился к обороне. Коллеги по комитету рассказывали, как латвийские послы "доставали" их, уговаривая проголосовать за закрытие мониторинга. В итоге все "друзья" Латвии — депутаты от правых партий, балтийские парламентарии явились на ноябрьское заседание в полном составе. А вот российские депутаты кулуарным лоббированием пренебрегли. Из троих российских членов на заседании присутствовал только один, не было и их союзников. И правительственные "менеджеры по продажам" сумели-таки "втюхать" комитету свой сомнительный товар.

Полагаю, что не стоит все же делать из этого трагедию. Мониторинг позволял добиться именно ратификации Рамочной конвенции, не более. И это — сделано.

Впрочем, латвийский МИД, конечно, не мог упустить возможность набрать еще немного политических очков. Именно поэтому накануне очередного, декабрьского заседания комитета латвийская пресса забила тревогу: мол, Россия намерена вновь "напасть на Латвию", потребовать отмены ноябрьского решения... Да, руководитель

российской делегации К.Косачев выразил неудовольствие решением ноябрьского заседания — но это заявление явно было продуктом для внутрirosсийского потребления. Латвийский МИД прекрасно знал, что никакого переголосования не будет — и именно поэтому растрезвонил на весь мир о "грозящей опасности". Классический пример дешевого блефа.

К вопросу о патриотизме

Конечно, моя позиция по вопросу мониторинга в очередной раз навлекла на меня праведный гнев коллег по латвийской делегации. Уже много лет правящий истеблишмент пытается меня "лечить": мол, внутри Латвии говори что угодно, критикуй, но за границей — мы все должны заботиться о престиже Латвии! Я с такой постановкой вопроса никогда не соглашусь. Как у всех выросших в СССР нормальных "технарей", у меня аллергия на пропаганду, и участвовать в "заметании мусора под ковер" я не намерен.

Мои коллеги до сих пор, кажется, так и не поняли простой вещи: именно свободное высказывание своего мнения, различия во взглядах представителей разных партий лучше всего демонстрируют уровень демократии в стране. Не зря регламент ПАСЕ требует, чтобы в делегации были пропорционально представлены все политические силы, избранные в национальный парламент. Когда мои коллеги ездят в Страсбург лишь для того, что лишний раз "укусить за пятку" Россию, а на общеевропейские проблемы им наплевать, это вряд ли поднимает престиж нашей страны. И на самом деле еще большой вопрос, кто в нашей делегации большой патриот Латвии.

Я до сих пор остаюсь единственным членом латвийской делегации, кого регулярно назначают докладчиком по достаточно сложным вопросам: о беженцах в бывшей Югославии и Закавказье, об использовании языков в больницах Брюсселя, о ратификации Рамочной конвенции в странах-членах Совета Европы. И если я даю точный анализ ситуации, скажем, в Косово, и предлагаю разумные меры — то и к тому, что я говорю о положении в Латвии, тоже прислушиваются. И я думаю, что это — одна из причин, почему в рамках мониторинга все же удалось заставить правительство Латвии ратифицировать Рамочную конвенцию, даже если все остальные представители Латвии твердят об "оккупации" и "пятой колонне". Думаю, это и стало одной из причин, почему в рамках мониторинга все же удалось заставить правительство ратифицировать Рамочную конвенцию.